— Я уже почти смог! — Наруто вскинул свои снова пустые руки в воздух. — Что я упускаю? — Давай ещё раз разъясню тебе процесс, — сказал Джирайя. — Для начала, ты должен сконцентрироваться на картине того, что хочешь, в своей голове. В это время ты манипулируешь своей чакрой, пока в руке не появится что-то твёрдое, и продолжаешь, пока не станет твёрже некуда. Убедись, что твои поступательные движения достаточно энергичны, или ничего не получится. После этого наступает важная часть — продолжать так до конца, ты же не хочешь выпустить энергию из своих сфер слишком рано, и потерять всю всю проникающую силу. Наруто снова сфокусировался. Он справится. Он знал, что физически это возможно. Ведь, в конце концов, если бы отец Наруто не смог, его бы тут не было. — Расслабься и вдохни получше, парнишка, — сказал Джирайя после наблюдения за очередным провалом. — Такое может случиться с каждым, особенно в состоянии стресса и без опыта. Но после очередных пары минут тренировок Наруто своих поступательных движений, самопровозглашённый отшельник подскочил. — Чёрт, чёрт, чёрт! Не могу поверить, что не додумался раньше. Конечно же не работает так, как должно. А как ещё? Тебе же двенадцать! — Эй! — возразил Наруто. — Ты же знаешь, насколько я развит для своего возраста. — Дело не в том, как ты развит. Если тело не готово, значит, не готово. — Это ты о чём? — Эта техника разработана для джонинов, у которых уже крайне продвинутый контроль чакры, и всё равно им приходится вливать кучу чакры, чтобы заработало. Конечно, двенадцатилетний генин так не сможет, особенно с твоими-то запасами чакры. Наруто оскалился. — Эй, ты это о чём, мои запасы чакры? Не я ли самый многообещающий генин этого года, который пробил себе дорогу через Экзамен на Чуунина с первого раза? — И добился ты этого тем, что повторял Технику Теневых Клонов до тех пор, что даже ученик Гая уже начал казаться эрудитом. — Ну так да. Не использовать их было бы, ну не знаю даже, как если бы Какаши-сенсей не использовал свои комбо с призывом собак, которые чуть не убили Забузу, пока я дрался с Хаку. Джирайя фыркнул. — Ага, так он и отдаст свой лучший инструмент против черепах Гая. Но ты только подтверждаешь мои слова. Какаши использует своих собак только как часть арсенала ниндзюцу, который посрамил бы некоторые кланы. Ты же используешь своих клонов как… Ну, собственно, да и всё на этом. — Ну и что с того? — И что эта техника делает с твоей чакрой? — Разделяет её. — Именно, — обвиняюще показал Джирайя пальцем на Наруто. — Она её не тратит — по крайней мере, не слишком сильно, с твоим-то контролем чакры — она её разделяет. А потом возвращает назад. Когда ты в последний раз расходовал всю свою чакру? — Оставаться без чакры — для лузеров, — сказал Наруто, но не смог вложить в это утверждение слишком много уверенности. — Есть такое. Но оставаться почти без чакры это то, как входят в число элиты шиноби. Половина моего становления величайшим мастером ниндзюцу в мире состоит в том, что мне всегда было куда потратить всю оставшуюся чакру в ночное время, если ты понимаешь о чём я. — Но сколько вообще могут отнимать чакры улучшающие сон ниндзюцу? — Зависит от того, со сколькими людьми одновременно ты спишь, парнишка, и насколько изобретательным ты готов быть. Джирайя не казался на первый взгляд для Наруто любителем пижамных вечеринок, но как знать, он ведь не просто так привлекал всех этих девушек. — Но забудем про меня на секунду. Твоя проблема в том, что ты так хорошо опираешься на контроль чакры, что твоё тело никогда не испытывает той отчаянной необходимости повышать свои резервы. Это как копировать ответы на тестах у другого ниндзя в Академии. Да, ты добиваешься цели, но изучать и применять информацию учится их мозг, а не твой. Чем больше ты будешь таким заниматься, чем глупее будешь, когда выпустишься — если тебе вообще это удастся. — Дьявол, я вообще думаю, что у тебя самый низкий запас чакры среди всего твоего курса. Твой друг Учиха помрёт со смеху, когда первый раз просканирует тебя этим его шаринганом. На Наруто словно ведро ледяной воды опрокинули. Саске никогда не смотрел на Наруто с помощью шарингана, кроме моментов в бою, когда чакра Наруто была разделена между толпой клонов, и у Саске особо не было времени уделять внимание на сложение и вычисления полного количества чакры Наруто. Что он подумает, когда узнает? Саске стал мастером в нескольких техниках С-ранга ещё до выпуска. Как же

сильно, наверное, он работал над увеличением своих резервов чакры, чтобы хватало на эти продвинутые ниндзюцу, пока Наруто, полагаясь на свой великолепный контроль чакры, даже не задумывался об этом? Но Наруто, по крайней мере, должен был быть всё же лучше Сакуры. Всем было известно, что её запасы были малы, так что вряд ли она их серьёзно тренировала. В конце концов, даже если она подтянула бы их до средних, её превосходные ментальные умения поставили бы её далеко впереди Ино в плане ниндзюцу в Академии, а не в нынешнее почти незаметное превосходство, иногда обращённое в обратную сторону, когда Ино решала постараться и догнать её. А ещё, если обернуть эту мысль вспять… Сакура, несмотря на её не выдающиеся природные запасы чакры, заставляла наследницу клана специалистов по ниндзюцу попотеть, пытаясь идти с ней вровень. Если подумать, то Наруто бы свою шляпу съел (ну или чью-нибудь ещё — у него было не так уж много вещей, чтобы он мог себе позволить тратить их на всякие идиомы), если Сакура не тренировалась как демон, чтобы захватить и поддерживать это преимущество. Ничего из этого не означало, что сам Наруто не уделял время и старания на тренировки, потому что это было правдой. Но он был гением, который развивался слишком быстро, даже идя по пути наименьшего сопротивления. Разрабатывать Стиль Узумаки было весело. Практиковаться в тайдзюцу было весело, поскольку в основном это включало в себя розыгрыши людей до тех пор, пока они не пытались убить его, или драки с Саске, или тренировки с теневыми клонами до тех пор, пока ему не становилось скучно (клоны могли тренироваться сами с собой, но процесс передачи памяти был менее эффективен, чем он надеялся, и кроме того, им становилось скучно так же быстро, как и ему самому). Программирование клонов было не очень весело, но зато это был интеллектуальный вызов, который он сам поставил для себя, и приносящий ему то, что он не мог достать больше нигде. В то же время Сакура… Внезапно он увидел её в новом свете. На каком-то уровне, он всегда определял её как сообразительную, но обыкновенную, признавая её высокие академические успехи, но не впечатлён всем остальным. Товарищ по команде, которая был если не мёртвым грузом, то по крайней мере недостаточно хороша, чтобы вносить равный вклад. Это всё ещё было правдой. И всё же. Каждый в команде Асумы и Куренай получал особое обучение в клане с самого рождения. Саске был (несправедливо) признан некоторыми самым талантливым генином своего поколения. Наруто доказал свою хитрость, храбрость и умения в бою, победив предателя-чуунина в смертельном бою один на один. А Сакура… Заработала себе месте в одной из трёх элитных команд, ведомых джонинами, просто будучи умной и работящей. Похоже, он был прав куда больше, чем думал. Даже если Наруто был умнее всех остальных, интеллект был не единственным качеством, за которое стоило уважать людей. — Научи меня, — сказал он торопливо Джирайе. — Покажи мне, что нужно, чтобы победить их в их собственной игре. — Наконец-то, — сказал Джирайя. — Теперь наступает часть, когда я буду стоять над тобой, пока ты медитируешь, и бить тебя палкой в любой момент, когда увижу, что ты отвлёкся. — Стоп, люди и правда этим занимаются? — Только метафорически. Но поверь мне, как писателю-ветерану. На метафорах можно далеко уехать. Джирайя улыбался одной из самых зловещих улыбок, что когда-либо видел Наруто, хотя стоит признать, что невозможно было увидеть ухмылку Какаши-сенсея. — Но всё по порядку, — сказал Джирайя. — Мне надо начать думать над тем, куда я хочу потратить твой мизерный запас чакры. Как насчёт проверки твоей элементальной принадлежности, а там посмотрим? Элементальные ниндзюцу разработаны как раз для того, чтобы выжимать максимум из свойств элемента, так что по чистому количеству чакры это более эффективно, чем нейтральные техники навроде Рассенгана. И поверь мне, парнишка, тебе нужна вся эффективность чакры, до которой сможешь дотянуться. В кой-то веки Наруто не погнался за приманкой. — И как происходит проверка элементальной принадлежности? Джирайя покопался в карманах. — Бумага чакры. Предполагается, что Второй обнаружил её случайно во время своих исследований. Бесполезна для печатей, идеальна для наших целей. — И у тебя просто так случайно оказалась под рукой именно такая вещь потому что…? — Парень, — ухмыльнулся Джирайя, — тебе никогда не стать лучшим любовником, если не будешь готов к чему угодно. Именно поэтому, в определённых кругах, я

известен как Вьючная Капибара. — Самая дурацкая кличка, что я когда-либо слышал. — Ну и отлично, я всё равно её только что придумал. А теперь протяни мне руки, ладонями вверх. Обе, а то вдруг у тебя двойной тип. Наруто покорно вытянул руки, и Джирайя уронил в каждую из ладоней по квадратному куску бумаги. Наруто не почувствовал ничего, кроме разве что мельчайшего пощипывания, но бумага чакры в его правой руке внезапно перечеркнулась тремя резкими вертикальными прорезями, словно от мельчайшего в мире кама-итачи[1]. Джирайя кивнул, выглядя не слишком сильно удивлённым. — Ветер, а? Достаточная редкость. Неплохо для дальних атак, которые ты не можешь себе позволить, и для отражения, которое тебе не нужно, потому что твои клоны — расходный материал. — Вот уж радость-то какая, — уныло пробормотал Наруто. — Так, а тут у нас… Наруто на мгновение увидел темные чернила, прежде чем Джирайя выхватил второй кусок бумаги у него и сложил себе в карман. — А какой это элемент? — Элемент Бракованной Бумаги, — сказал Джирайя. — Не стоит тебе их трогать — с твоими запасами, случайные траты чакры могут сильно тебе навредить. Каков шанс того, что Джирайя просто вытянул кусок бракованной бумаги именно при тестировании Наруто? Основываясь на прецедентах — достаточно высок. Даже удивительно, как часто попадалась ровно одна единица сломанного или опасно некорректно функционирующего оборудования, когда инструкторы в Академии раздавали их, и её получал именно Наруто. Да и потом, что бы Джирайя мог от него скрывать? Что на глубоком метафизическом уровне Наруто был сделан из чернил? — Но забудем об этом, — сказал Джирайя. — У нас уже есть всё что нужно. Хорошие новости: склонность к Ветру достаточно проста — радуйся, что у тебя не Молния. Первым делом, очевидно, мы пойдём подглядывать за девушками в горячих источниках. — Очевидно. — Эй, не смотри так на меня, — сказал Джирайя. — Ты что, никогда не слышал об искусстве ветра и воды? — Это ты про ту штуку, которая, предположительно, позволяет гражданским контролировать окружающую чакру в своих домах? У меня самое худшее образование среди всех генинов в истории, и даже я знаю, что это полная чушь. Джирайя пожал плечами. — Стоило попробовать. — Абсолютно не стоило. И серьёзно, пытаться заставить меня подглядывать за девушками в первый же день обучения? Тебе кто-нибудь уже говорил, что ты полный и бесповоротный извращенец? — Естественно, — сказал Джирайя, с гордостью скрестив руки. — Но у меня множество званий, парень. Включая, но не ограничиваясь героем войны, профессиональным любовником, автором бестселлеров, последним извращенцем и великим отшельником. В тех частях мира, где знают, как важны отшельники, меня уважают и зовут «О Просвещённый». Как же Наруто ждал этого момента. Тот, кто постоянно называл его «парень», просто просил об обратной кличке, но «старикан» уже был занят Хокаге, и, кроме того, каждый, кто мог сравниться с Наруто в саркастических ремарках, заслуживал чего-то особенного. И вот наконец озарение пришло. Наруто склонился вниз в нижайшем поклоне, касаясь лбом земли. — Нижайше прошу простить меня. Мне не было известно о вашем величии, О Извращённый. — Эй, ты это прекращай, парень, не смешно. — С почтением прислушиваюсь к твоим словам, О Извращённый. — Ну ладно, может, немного смешно. Но всё равно прекращай. — Твоя воля для меня закон, О Извращённый. *** — Вы посылали за мной, мой лорд? — Пришло время, — обратился Лорд Хиаши к Неджи, — для нас обсудить твои действия во время Экзамена на Чуунина… И об их последствиях. Судный день наступил. Единственное милосердие, что он только мог получить — ему не пришлось долго ждать. Неджи подавил дрожь в своих конечностях. Лорд Хиаши, конечно, заметит их и так, но самовольно показывать слабость — только позорить себя ещё больше, чем сейчас. — Моя дочь описала твоё исполнение в бою против неё, ничего не упуская. Конечно же. Леди Хината была превыше лжи. Он знал об этом, когда избрал использовать Восемь Триграмм — зная цену, что заплатит, вне зависимости от победы или поражения. Как член побочной ветви семьи, он ежедневно находился неподалёку от смерти. Он бы соврал, сказав, что не боится её, но она хотя бы не была неожиданной. Часть его была счастлива, что его смерть будет в её честь, а не на какой-нибудь случайной миссии, как это происходит у многих шиноби. — Скажи мне, Неджи, — взгляд Лорда Хиаши стал более пронзительным, чем любой удар Мягкого Кулака, — ты

ограничивал себя ради неё в этой битве? Позволил ей незаслуженно победить? Что за странный вопрос. Словно Неджи мог бы использовать технику, которая была для него верной смертью, если бы всё равно намеревался проиграть. — Нет, мой лорд. Клянусь, я старался, как только мог, победить её. Лорд Хиаши удовлетворённо кивнул, как бы чуждо это не казалось в нынешнем разговоре. — Как и должен был. Честь Хьюга не какая-то мелочь, которую можно поколебать простыми эмоциями. — Спасибо вам, мой лорд. Неджи провёл всю свою жизнь, посвящая себя этой чести перед лицом каждого вызова, будь то такая жестокая насмешка, как существование Рока Ли, или защита Леди Хинаты от грязных червей, которые хотят воспользоваться её невинностью. Знание о том, что он умрёт так же, как жил, принесло ему небольшое удовлетворение. — Насколько мне известно, — сказал отстранённо Лорд Хиаши, — очень немногие успешно смогли обмануть меня с тех пор, как я стал мастером искусств, требуемых от наследника Хьюга. Моя дочь не входит в их число. Значит… Она попыталась. Ради такого, как он, она попыталась пойти наперекор своей собственной сущности. Нигде ни в этом, ни в любом другом мире, не могло быть второй Леди Хинаты. Она попыталась. Голос Лорда Хиаши обрёл могильную холодность. — Есть только одно наказание для тех, кто использует Восемь Триграмм без благословления Первого Хьюга — благословления, что течёт в крови моей семьи, и текло в крови твоих предков, пока они не избрали предать его. И теперь, накладывая преступление на преступление, словно идя по их следам, ты осмелился обернуть силу Триграмм против наследницы Хьюга. Нет! Если что Неджи и понимал, то это то, что совершил своё преступление из преданности. Если не всему Клану Хьюга, то Леди Хинате. — Мой лорд, я никогда… — Молчание. Лорду Хиаши не требовалось повышать голос, чтобы контролировать разговор. В какой-то мере, он и был контролем. — Твоя судьба уже определена. Твоё мнение не представляет для меня интереса. Неджи склонился в извинении. Хьюга умирали с гордостью, но также и с изяществом. Но он не мог бы предугадать следующие слова Лорда Хьюга, даже если бы жил столько, сколько существует солнце. — Ты посвятишь все свои силы её подготовке к Экзамена на Чуунина. Ты будешь жить каждый час в сутках ради неё, отдыхать — только когда она отдыхает, есть — только когда она ест, спать — только когда она спит. Ты научишь мою дочь всему тому, что может ей помочь в последующих испытаниях. Какое бы чудо ты не сотворил, чтобы проявить её потенциал, ты повторишь его ещё столько раз, сколько понадобится. Земля испарилась из-под ног Неджи. Он держался на ногах только на гордости Хьюга. — Мой лорд… — он знал все те причины, почему не должен был спрашивать, но не мог сдержать себя. — Почему? Лорд Хиаши немного поразмышлял, глядя на него. — Потому что не долг заставляет Хьюг искать солнце, что позади. И потому что за двенадцать лет своей жизни, моя дочь пыталась обмануть меня ровно два раза. Эти слова ничего не объясняли, но интонация их произнесения показывала, что это привилегия — услышать даже столько, и теперь его присутствие не требуется. Поклонившись и покинув это место, он чувствовал, словно идет в другом мире. Он — инструктор Леди Хинаты? Вопроса в том, что он был на это способен, не было — он знал техники, которые не знала она, и вообще был более сильным ниндзя с любой возможной стороны — но вряд ли настолько же, насколько любой из джонинов, или даже, подумал он с горечью, любой из чуунинов под командованием Лорда Хиаши. Не будь это решением Лорда Хиаши, он бы принял его за сумасшествие. Ему дали второй шанс, чего он не ожидал, и не заслужил. Но второй шанс на что? Даже с этой её странной новой силой, всё, чего смогла добиться Леди Хината — ничья, или что-то неразличимо близкое. Она лежала на койке в госпитале, победитель, павший рядом с проигравшим. Должен ли он был признать поражение с таким неопределённым исходом, посвятить себя помощи ей на дальнейшем пути сквозь кровь и тьму, который бил жизнью шиноби? Позволить её чистоте быть уничтоженной в мире, который не прощает слабости, всё ради её невозможной мечты? Или же… Мысль ощущалась как удар ножа, но как инструктор Леди Хинаты, он мог сбить её с пути. Существовала тысяча способов помешать ей, от некорректный тренировок до случайных случаях при них, тысяча путей, которыми он мог обеспечить ей поражение на Финале, которое доказало бы всем, что предыдущий её успех был

просто случайностью. Лорд Хиаши его не простит, без всяких раздумий аннулировав его временное спасение. Леди Хината тоже встретит последствия, которые он не мог предсказать. Но через них лежит её единственная надежда на спасение, на другой путь, который она всё ещё не видит. Некоторые вещи стоят любой жертвы. Всё, что мог сделать Неджи — выбрать между двумя способами предать Леди Хинату, и тот, который мог её спасти, стоил бы ему жизни — на этот раз точно. Выбор был очевиден. Но прежде чем он смог окончательно убедить себя, одна мысль пролетела через его разум. Была ли его секретная мечта менее невозможной, чем её? Он обдумал это, но ответа не было. *** Тренировка принадлежности была даже не близко такой, как мог представить Наруто. Как сказал Джирайя, хотя бумага чакры и давала тебе информацию, она не могла дать понимание, а именно в понимании заключалась разница между каким-то средним мальчишкой с пустыми мечтами о величии (мда уж) и многообещающим молодым парнем, кто в теории мог однажды стать джонином. Бумага чакры была ничем иным как коротким путём, инструментом, который помог Листу в массовом производстве генинов для передовых во время войны за выживание деревни. (Наруто с неприязнью вспомнил слова Онигахары Тарики — ценное напоминание о том, что какого бы личного счастья он не обрёл, реальный мир от этого не станет менее жесток.) Сейчас же Наруто предстояло испытать на себе принадлежность ко всем пяти элементам. Если он хотел понять Ветер, молвил Извращённый, он должен был оценить и другие. Это ничем не отличалось от студентов Академии, которые не были Роком Ли, должны были изучать основы тайдзюцу, бой на дистанции, ниндзюцу, скрытность и прочее, прежде чем могли называть себя «ниндзя», на чём бы они потом не специализировались. К счастью, Лес Шугенжа идеально подходил для этой цели. Земля далась ему легко, и к тому же чертовски скучно. Он чувствовал её глубокую, неизмеримую мощь — возможно, сильнейшую из всех — но эта сила просто существовала там, не делая ничего, и ещё сопротивлялась человеческим попыткам её зачерпнуть. Он понял, что техники этого элемента предположительно были сильными и надёжными, в обмен на высокое потребление чакры, но если бы это зависело от него, он бы заменил её в тот же миг на что-то более интересное. (В земле было полно отличных субстанций навроде магмы, металлов, кристаллов и древних цивилизаций, которые забрались слишком глубоко, а что получали пользователи Земли? Грязь и камни.) Молнию они пока пропускали. Джирайя надеялся на хорошенькую грозу, чтобы Наруто получил полный опыт, хотя у него были и какие-то «уникальные идеи», если она не случится (в этот раз его ухмылка была ещё более зловещей). В принципе, Наруто всеми руками был за элемент, который отыграется за Землю, но на практике у него были плохие предчувствия по этому поводу. Вода была ещё одним элементом, на который он смотрел с опаской. Не то чтобы у него были философская неприязнь Воды так же, как и Земли. Он был сносным пловцом — не каждый мог рассчитывать на спасение со стороны, когда падаешь в глубокие воды — и хотя публичные бани были одним из тех мест, которые запрещали ему посещение вплоть до того времени, как он стал генином, оба его посещения их были приятны и расслабляли (представим, что того случая не было). Нет, казалось, что больше Вода имеет к нему претензии. Начиная с убийственных рек и бесконечных потоков ещё более убийственных водяных пуль, до Демонических Ледяных Зеркал, и заканчивая вообще всем, что относилось к Забузе — уже было научным фактом то, что Вода пыталась всеми силами его достать, и он не хотел давать ей лишних шансов. Между тем, Огонь был, возможно, первым моментом, когда он и правда сумел удивить Извращённого. В кремне и труте была искра надежды. В костре на привале были прилив сил и защита, лояльный, хоть и своенравный, союзник перед лицом враждебного мира — если относиться к нему с почтением. Даже его окончательная форма, вызывающая только восхищение и ужас, могла приносить перерождение. Огонь был самым страшным врагом Ветра в круге элементов, насколько он знал, разрушительная сила, против которой Ветер был бессилен, против которой каждая попытка сопротивления только делала всё хуже. С достаточным упорством было возможно разрешить свои внутренние несоответствия и приобрести немезиду своей прирождённой принадлежности — специалисты по ниндзюцу иногда делали так, чтобы обойти

свои слабости — но никто не пропускал часть про принадлежность и не перепрограммировал свою душу просто ради веселья. Джирайя, после подбирания челюсти с пола, немного поразмыслил и решил постановить, что Наруто был настолько упрямым, что даже законы природы подстраивались под него. Это, пожалуй, лучший комплимент, что Наруто когда-либо получал. Но Наруто знал простую правду. Огонь был его другом, потому что был врагом холода. Если Огонь был жизнью, то холод был смертью, высасывающей силы своих жертв, пока они не уснут, чтобы уже никогда не проснуться. Даже если Огонь убивал людей, он по крайнее мере делал это честно. Он видел описания Пути Нарака в некоторых из своих самых страшных мангах, и в нём холод тоже был худшей его частью. Пылающий ад может и был место постоянного насилия и конфликта, но ледяной ад был нескончаемым одиночеством, раз и навсегда. Кто вообще думал о физических пытках, в сравнении с этим? Но если Огонь и был его союзником, то Ветер оказался им самим. Свободный. Непостоянный в поведении, но неизменный в своей природе. Принимающий любую форму по желанию — ровно настолько, насколько хотел сам. Игривый, пока не переставал им быть. Хаотичный и проказливый, но всегда готовый помочь тем, кому нужен. Подавляющая мощь или легкое касание. Сохраняющий себя, несмотря на любые попытки заключения или контроля. У каждого элемента было своё место. У каждого элемента была своя роль. Но Ветер был просто… лучше. Ветер был свободен. Сегодня Наруто провел часы на вершине холма, обернувшись лицом к южному ветру, одетый только в нижнее бельё и цепляющийся чакрой, чтобы устоять на ногах под гнётом штормового ветра, пришедшего словно именно ради этой цели (хотя он бы и этому не удивился, от предположительно лучшего мастера по ниндзюцу в мире). Чувство расширяющегося сознания, родства с самим изначальным элементом мира, стоило мучений леденящего холода… по крайней мере недолго. После этого Джирайя (который выпендривался тем, что сидел на соседнем холме и спокойно записывал наброски своего следующего романа во всё тех же штормовых порывах) угостил его горячим, бодрящим раменом, и закончил на этом сегодняшний урок, по крайней мере для Наруто. Но прежде чем пойти ухлестывать за девчонками, или чем там занимаются герои войны, эксперты-любовники, авторы бестселлеров, последние извращенцы и великие отшельники в свободное время, Джирайя уделил пару слов своему измотанному временному ученику. — Похоже, ты был не в состоянии кого-либо слушать за ужином, парень, так что я повторю. Хорошая работа. Возможно, у тебя на самом деле есть потенциал, скрытый за этим твоим удовлетворённым собой фасадом. — Это комплимент от самого Джирайи из Троицы, кстати говоря. Запомни этот момент, внукам рассказывать будешь, если, конечно, Хьюга Хиаши тебя к тому времени не убьёт. — Вау, — после очередного дня серьезных инструкций, перемежающихся неослабевающим потоком насмешек, последнее, чего мог ожидать Наруто — прямой похвалы. — Спасибо, — сказал он с непривычной, проржавевшей искренностью. Джирайя сверкнул улыбкой, которая на этот раз даже не была слишком уж зловещей. — Выспись, парнишка. Тебе завтра надо быть в форме для завтрашней тренировки. — Эй, О Извращенный, — пробормотал Наруто, сворачиваясь в удобную позу в своей кровати, — что вообще это за дела с «Джирайя из Троицы», а? — Я пару раз слышал о Троице из Листа, и вы вроде как живые легенды, хоть по тебе и не догадаешься. Но я не знал, кто такая Цунаде, пока мне не сказал случайный ниндзя-отступник, и я всё ещё не знаю, кто третий. Почему так? — Троица из Листа, а? — сказал Джирайя, усаживаясь на свою кровать. — Ну, думаю, ты заслужил сказочку на ночь за свою работу. Наруто подправил под собой подушку пару раз, пока не стало комфортно, и начал слушать. Голос Джирайи приобрёл медлительность и ностальгичность. — Однажды давным-давно, чего не угадать по моему молодому, но мужественному облику, было трое детей, который потом очутились в одной команде генинов. Первый был любителем розыгрышей и фигляром, чьи безумные идеи всё продолжали срабатывать против всех ожиданий. Второй была любовь всей его жизни, красотка с горячим темпераментом, которая могла разрушать горы голыми руками, но избрала путь целителя. А третьим был мягким, тихим, гениальным мальчишкой, который много понимал и мало говорил. И учителем их был величайший из всех учителей, Сарутоби-сенсей, Профессор,

человек, который станет Третьим Хокаге. Будущий Третий Хокаге учил Джирайю. Джирайя учил будущего Четвёртого. Будущий Четвёртый учил Какаши-сенсея, и теперь Какаши-сенсей был в процессе обучения будущего Пятого (или Шестого, если Третий уйдёт на покой слишком рано). Как-то слишком размеренно, чтобы быть естественным ходом событий, отвлечённо подумал Наруто, продолжая слушать. — Вполне возможно, они были величайшей командой шиноби в истории Листа. — продолжал Джирайя. — Окружённые любовью от друзей, страхом от врагов, и уважением даже от тех, кто их ненавидел. Где-то там, в другом мире, они могли бы, пожалуй, изменить всё и сломать цикл мести и отчуждения, определяющий существование шиноби. Но в этом мире разразилась Вторая Война Шиноби, и вместо этого мир изменил их самих. — Куноичи, Цунаде, потеряла семью и надежду на будущее. Тихий подросток, Орочимару, потерял свою невинность и умение любить. А фигляр, который продержался так долго не взрослея, твой покорный слуга, потерял двух самых любимых людей в мире, и узнал, что у него нет ни силы, ни интеллекта, ни мудрости, чтобы вернуть их. Наруто почувствовал отголосок печали, словно бы это была история его самого. — Я… Мне жаль. Не стоило мне спрашивать. — Брось, — сказал Джирайя. — Это древняя история, пусть их и вырезали из ваших учебников. — А теперь, если позволишь, — улыбнулся он, — я там приметил парочку восхитительных близняшек, сидящих внизу со скучающим видом, и какой из меня легендарный герой, если я не приду им на помощь. Не дожидайся меня. Наруто послушно раскрыл рот в огромном зевке. — И кстати говоря, — сказал он, когда Джирайя уже повернулся к выходу, — разве бить кого-то палкой не будет только дополнительным отвлекающим… — Спокойной ночи, парнишка. Наруто проследил за его уходом, размышляя над жестом доверия, который сейчас пронаблюдал. Манипуляция или искренний подарок? Обучение ученика или построение персональной связи? Где проводить черты, и когда они перестают что-то значить? Но подушка была слишком манящей, и у него был очень долгий день, а завтра у него будет ещё куча времени, чтобы беспокоиться о своих отношениях с Джирайей. *** Саске был лучшим в своем клане по метанию кунаев. Для своего возраста, по крайней мере. Ему уже вот-вот разрешат использовать настоящие кунаи, и тогда он докажет, что он настоящий ниндзя, и поступит в Академию, и вступит в АНБУ и получит маску Волка, и пойдёт на миссии вместе с Итачи! Он не мог дождаться, как расскажет Итачи, что попал во все цели сегодня, даже на ту, которая висит и болтается на ветру. Но не поэтому он мчался домой как молния. Сегодня, именно сегодня была ночь Кровавой Луны, это безумно редкое астро-номическое событие, которое как полное лунное затмение, только реально крутое! Он уже видел его в небе — огромный, намного больше чем он ожидал, красный круг, который было одновременно прекрасным и пугающим. Но даже Кровавая Луна была не самой главной причиной. Главное было в том, что Кровавые Луны были очень редки, и сейчас был день рождения Саске (ну или достаточно близко к тому), и пару недель назад Итачи пообещал ему, что несмотря на все его дела в эту ночь, он их закончит как раз к тому, чтобы провести вечер с ним одним! Они будут сидеть и разговаривать между собой, и мама обещала приготовить его любимые пельмешки, и он сможет похвастаться своими новыми умениями по метанию кунаев (он теперь мог попасть в цели даже в темноте, если они были не слишком далеко!), и у него было специальное разрешение посидеть чуть дольше, чем он обычно уходил спать, и он расскажет Итачи, что он решил все загадки, и раз луна была такая яркая, может они смогут пойти и поиграть на одном из тренировочных полигонов ниндзя (Итачи было позволено быть где угодно), и… и что-то было не так. Саске замедлился, как только пробежал ворота в район. Почему тут так тихо? Разве не должны все в клане быть на улицах, наслаждаясь прекрасной красной луной? Может, они просто были скучными. Взрослые часто были такими — им можно было не ложиться спать сколько угодно, и вместо этого они уходили ещё раньше, потому что с утра надо были идти на работу. Саске не был уверен, хочет ли он вырасти (по крайней мере дальше того возраста, когда сможет ходить с Итачи на миссии), если он от этого станет таким же. Но хотя бы другие дети должны были смотреть. Странно. Никто из его друзей не был настолько скучным, чтобы пропустить Кровавую Луну. Ну, разве что Шуджи, но его сестренка всё равно его притащила бы. И если

даже все по какой-то странной причине спали, всё равно было слишком тихо. Где сотрясающие землю храпы дяди Джина, которые обычно раздавались на весь квартал? Где успокаивающие, специально громкие шаги ночной стражи? Где мяуканье этих глупых кошек? Ай! Саске, заглядевшись на луну, споткнулся обо что-то посреди улицы и обнаружил себя на четвереньках. Он смог не содрать себе ничего, поскольку он уже был почти настоящим ниндзя. Но кто вообще бросает что-то такое большое посреди улицы и не убирает за собой? Саске обернулся посмотреть. Пару секунд ему понадобилось, чтобы понять, на что он смотрит. Объект на земле был человеком, упавшим и не двигающимся. И абсолютно безмолвным, даже не выдавая звуков, которые делали взрослые, когда были без сознания или пьяны. Саске склонился к человеку, на случай, если тот ранен и ему нужна помощь. — Дядя Джин? — узнал он человека. — Дядя Джин, вы в порядке? В ярком свете Кровавой Луны, Саске увидел жидкость вокруг шеи Дяди Джина, разливающуюся по земле. Она пахла медью… как кровь. Под ним была ещё одна фигура — Тётушка Канако, его жена. Она тоже не двигалась. Саске знал о смерти. В конце концов, он был братом ниндзя. Но люди должны были умирать только на миссиях ниндзя, где-то далеко. Или если они были очень стары, как Бабуля Орибе, когда её сердце перестало биться. Никто не умирал просто так. На улицах впереди было ещё много фигур. Он подбежал к ним, надеясь, молясь. Тетушка Марина, мама Минако, всё ещё держащая скалку, которой она, по слухам, владела как джонин. Сама Минако, ученица Академии, которая сидела с Саске по вечерам вторника, и в которую он был секретно влюблён. Он больше не мог смотреть. Ещё больше фигур, больше людей, лежащих везде. Саске знал, что значит кровь. Значит, кто-то пришёл и убил их всех. Армия из другой деревни? Будет война? Они и Саске убьют? Саске побежал домой. Всё будет нормально, как только он попадёт домой. Мама и папа будут там. Итачи будет там, и никто и никогда не сможет убить Итачи. *** Это не могло быть правдой. Это не могло быть правдой. Ниндзя могли делать так, чтобы другие видели вещи, которых на самом деле нет, ведь так? Так что это просто где-то поблизости есть злой ниндзя, который использует свои силы, чтобы смутить Саске. Он повторял это снова и снова, пытаясь сделать это реальностью. Но глубоко внутри он знал, что это не так. Это была мама, и это был папа, такие же фигуры на полу, как и везде. Смерть — значит они уже не проснутся. Он посмотрел сквозь открытые двери на внутренний сад. Снаружи стоял Итачи, в своей броне АНБУ, глядя вверх на Кровавую Луну, а по его ниндзято в правой руке стекала кровь. Саске почувствовал отголосок надежды в первый раз за вечер. — Итачи! Ты в порядке! Ты достал их? Ты достал тех, кто всё это сделал? Но по лицу Итачи текли слёзы, и Саске почему-то знал, что он не просто огорчён из-за мамы и папы. — Нет… — прошептал Саске.- Нет… Невозможно. Бессмысленно. Это же Итачи. Итачи, который никогда не делал чего-то неправильного. Он не мог, он бы не стал этого делать. — Почему? — Потому что я не был достаточно силён, — сказал Итачи Кровавой Луне. — Я не понимаю. Итачи повернулся, чтобы посмотреть на Саске. — Я не уверен, что и я понимаю, — сказал он после небольшой паузы. — Почему, Итачи? — умолял Саске. — Почему ты убил маму и папу? Почему ты убил всех? Итачи медленно, глубоко вздохнул. Следующие его слова звучали так, словно он заставил себя их проговорить. — Если хочешь знать правду — будь сильным. Будь сильнее, чем был я. Теперь ты — Клан Учиха. — Итачи, пожалуйста… Рот Итачи скривился в чём-то, в чём было слишком много боли, чтобы быть улыбкой. — Прости меня, Саске. В другой раз. Он вложил ниндзято в ножны, хотя оно всё ещё было влажным, и даже Саске знал, что это вредно для клинка. — Когда будешь готов, когда сможешь найти меня и победить, тогда я дам тебе все ответы, что тебе нужны. Он опустился на колено, чтобы его глаза стали на одном уровне с глазами Саске. В них был не тот Шаринган, который знал Саске, а какой-то жуткий волнистый треугольник. — Прощай, братишка. Это единственный подарок, который я могу тебе подарить. Саске проснулся в госпитале после года комы, года, в течение которого не было никаких мыслей, ничего кроме сна, и отдалённого чувства того, что разбитые осколки его сердца собираются вместе, пока оно не смогло снова биться. Он не смог понять, когда доктора сказали ему, что прошла всего неделя. *** — Не пойдёт, — сказал Саске. — В этот раз я не уловил этого, даже

когда увидел его Шаринган. — Давай прервёмся, — сказал Какаши-сенсей. — Слишком сильно напрягать твой… — Ещё раз. Саске сморгнул слёзы, чтобы снова ясно видеть Шаринган Какаши-сенсея. — Сделайте это ещё раз. Как я смогу победить его, если не могу победить его даже в своей памяти?

***

http://tl.rulate.ru/book/28554/630555